

Владимир Михайлов

Среди звёзд

*Часть сборника
Люди Приземелья (сборник)*

Владимир Дмитриевич Михайлов

Среди звёзд

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181298

Люди Приземелья: АСТ; Москва; 2002

ISBN 5-17-015324-4

Аннотация

«И вот он остался один. Настолько один, что вообще человек такого перенести не может. Не то чтобы он оказался в одиночестве; одиночество есть повод для высоких переживаний и размышлений, которые тем более приятны, что человек знает: стоит ему захотеть, стоит ему поднатужиться и стукнуть клювиком – и скорлупа, им же самим созданная, расколется, и его со всех сторон окружают люди, которых он если и не видел, то лишь потому, что видеть не хотел. Такое одиночество бывает даже полезно время от времени; так полезен бывает голод, тоже время от времени, чтобы очиститься от излишеств и привести организм в порядок. Но все-таки человек, как правило, должен кушать, иначе помрет. И должен жить с людьми, не то опять-таки помрет или рехнется. Таково одиночество на Земле...»

Владимир Михайлов

Среди звезд

И вот он остался один. Настолько один, что вообще человек такого перенести не может. Не то чтобы он оказался в одиночестве; одиночество есть повод для высоких переживаний и размышлений, которые тем более приятны, что человек знает: стоит ему захотеть, стоит ему поднатужиться и стукнуть клювиком – и скорлупа, им же самим созданная, расколется, и его со всех сторон окружают люди, которых он если и не видел, то лишь потому, что видеть не хотел. Такое одиночество бывает даже полезно время от времени; так полезен бывает голод, тоже время от времени, чтобы очиститься от излишеств и привести организм в порядок. Но все-таки человек, как правило, должен кушать, иначе помрет. И должен жить с людьми, не то опять-таки помрет или рехнется. Таково одиночество на Земле.

Здесь же не было одиночества, здесь Круг просто оказался один. Существовал большой мир, и в мире Круг, как небольшая величина – единичка, одна из несчетного множества. Но вот произошло нечто, и эту единицу вынесли за скобки. Мир остался в скобках, а Круг – за ними, один. О Вселенной нельзя сказать, что она одинока: она просто одна, одна-единственная, и если бы ей захотелось, скажем, перемолвиться словечком с другой Вселенной, то она не смогла бы сделать

это потому лишь, что другой нет и быть не может. Именно так и Круг остался один. Но Вселенная мирится с таким порядком, а человек не в состоянии.

Человек не может быть один. Но если он не умер в тот миг, когда понял, что с нимстряслось, то на какое-то время он сам уподобится небольшой вселенной. Он перестанет быть один. В каждом человеке уживаются двое разных, а то и не только двое, а больше. В обычной обстановке эти сосущественцы живут, как сказал бы физик, по некоторой равнодействующей, поскольку человек постоянно общается с другими людьми, и для того, чтобы общение это было возможно, он не должен сегодня намного отличаться от себя вчерашнего, а завтра должен будет сохранить основные черты себя сегодняшнего. Но то – в нормальных условиях. Круг же оказался вне этих условий, и вообще вне всего. Кроме разве что...

Но по порядку. Порядок же требует начать с начала – с детства. В нежном возрасте Круг, как все мы, любил хвататься за что попало, ибо с этого начинается познание мира. Сперва он тащил все в рот, однако это не оказало заметного влияния на его дальнейшую судьбу. Но несколько позже он основательно обжег руку, когда его заинтересовал вопрос: будет ли он светиться, как лампа, если сам подключится к сети. Результат эксперимента запомнился навсегда. Это было первым знакомством Круга с электротехникой, и благодаря этому знакомству он на всю жизнь сохранил от-

вращение к сильным токам, и, естественно, сделался слаботочником. Естественно – потому что вся семья его состояла из электротехников, и все предки его были электротехниками, и предки предков – тоже, если не брать в расчет какой-то боковой линии, где кто-то унизился до электрохимии. Впрочем, и там электрохимией занимались преимущественно представительницы квазислабого и абсолютно прекрасного пола, троюродные и четвероюродные сестрички, которых родней никто не считает. Тем более что они рассеялись по всему свету, а одну из них судьба занесла даже на Эвридику. Эта планета обращается вокруг желтенькой звезды, находящейся в шести с небольшим парсеках от нашей Солнечной системы; звезду можно наблюдать простым глазом, но никто, кроме специалистов, этим не занимается: очень уж она тускла. Однако Эвридика оказалась пригодной для колонизации, и на ней стали жить люди, а для того, чтобы они там жили, им приходилось многое доставлять с Земли, и время от времени на Эвридику уходили звездолеты.

Что касается звездолетов, то ни один из них не может обойтись без электротехников по сетям слабого тока. Круг как раз и был слаботочником. Специальность эта обычно скрывается под индексом СК-67, что, во-первых, означает «шестидесят седьмая специальность космонавта», а во-вторых, – что прошли времена, когда один или пять человек могли вести и обслуживать корабль. Теперь пятерым не дали бы даже простой трансорбитальник, не говоря уже о ко-

раблях класса «Альфа-Н» и «Бета-Н», для которых орбита Плутона была чем-то вроде пригородной станции – последней в дачном поясе.

«Ньютон», где Круг заведовал сетями трех верхних палуб, принадлежал именно к классу «Бета-Н», то есть был звездолетом, снабженным для передвижения в обычном пространстве фотонным двигателем, в то время как корабли «Альфы» имели диагравийонный мотор. Кроме того, разница между классами заключалась еще и в том, что «Альфы», разогнавшись и вырвавшись в надпространство (в котором совершают большую часть пути, на что, кстати, указывает литера «Н» в обозначении класса), могли идти в нем неопределенно долгое время, и возникали вновь в трехмерном пространстве уже вблизи конечного пункта их маршрута, в то время как «Беты» и «Ньютон» в том числе должны были выходить из надпространства, пройдя расстояние, соответствующее одному парсеку, если считать единицами, принятыми в трех измерениях, и производить перезарядку реактора, дававшего энергию для надпространственного полета. На них стоял один такой реактор, а на «Альфах» – два. Не потому, чтобы кто-то поскупился; просто «Беты» проектировались не для надпространства, их приспособили потом: их было довольно много, «Альф» же пока лишь единицы. Так что на пути между Землей и Эвридикой приходилось сделать шесть таких выходов, шесть станций: вынырнуть, перезарядить реактор, разогнаться на фотонном двигателе и опять уйти в

надпространство. Вот, наверное, и все, что стоит знать, чтобы представить дальнейшее.

Откровенно говоря, и эти подробности были, наверное, ни к чему. Но Кругу сейчас хотелось вспомнить все с самого начала, обязательно с самого начала. С момента, когда он остался один, исчезла та равнодействующая, которой до сих пор удовлетворялись все Круги, жившие в нем. Теперь же они обособились, и каждый захотел жить сам по себе в той вселенной, имя которой было – электротехник по слабым токам Круг. И вот одному из них захотелось вспомнить все с самого начала. То ли он хотел сохранить верность традиции, по которой человек, глядя в выразительное лицо смерти, обязан восстановить в памяти всю биографию, то ли (и это, пожалуй, вернее) его побуждало вспоминать сознание того, что обращение к памяти даст ему возможность не думать о настоящем. А думать о настоящем ему очень не хотелось. Так или иначе, он пытался властвовать, удерживая остальных, и вот добрался уже до факта, что «Ньютон», на котором он летал, шел на Эвридику и недавно сделал одну из шести неизбежных остановок, выйдя в то милое пространство, в котором существуют звезды.

Вот звезд не следовало касаться. Круг-биограф понял это слишком поздно: звезды не находились в его ведении, ими занимался Круг-аналитик. И он немедленно воспользовался удобным случаем для того, чтобы повысить голос и привлечь всеобщее внимание.

Круг-аналитик начал с того, что призвал не слушать этого болтуна, лепечущего что-то о предках, стенных контактах и классах кораблей. И об Эвридике в придачу. Какая разница, куда шел корабль: к Эвридике или еще куда-нибудь? Не надо позволять страху овладевать собой. Надо трезво и беспристрастно взглянуть на создавшееся положение. Этот дешевый, наигранный тон храбрящегося, но на самом деле смертельно напуганного человека никому не нужен. Нужна оценка ситуации. Она не в нашу пользу, да. Но это еще не значит, что можно сложить руки и умирать.

Положение таково: здесь – обычный мир, пространство трех измерений. В нем действительно сияют звезды. Но они – далеко, и сейчас ни к чему. Кроме звезд, в этом пространстве существует корабль. Тот самый «Ньютон». Он близко. Он виден. И еще в этом пространстве есть человек. Электрик Круг. Закованный в тяжелый скваммер, он висит в пустоте, как самостоятельное, независимое, единственное в своем роде небесное тело. Но, поскольку существовать самостоятельно и независимо в межзвездном пространстве человек может очень недолго – пока не исчерпаются ресурсы скваммера, – то, чтобы исправить ситуацию, а попросту говоря, спастись, надо попасть обратно на корабль. Догнать его, вернуться на борт. Вот и все.

Аналитик тоже, конечно, был испуган: смерть грозила ему в той же мере, что и остальным Кругам, и даже в большей, потому что первой умирает от страха именно способность

к анализу. Но именно поэтому он и хотел отыскать путь к спасению как можно скорее.

Но это было трудно, потому что такие пути, кажется, все были уже испробованы и безрезультатно.

Волей-неволей пришлось обратиться к биографу, чтобы он напомнил все, что уже было испробовано. Биограф же воспользовался этим и вернулся к тому, с чего все началось.

А началось с того, что в тесной каморке вахтенного электрика загорелся сигнал. Сигнал показывал, что в районе третьей палубы вышла из строя восьмая антенна защитного поля.

Посредством этих антенн поддерживается защитное поле, предохраняющее корабль от встречи в пространстве с частицами вещества. Вещество – даже если это просто пыль, – сталкиваясь с кораблем, имеющим высокую, очень высокую скорость полета, быстро разрушает корпус, каким бы прочным он ни был. Поэтому корабль защищен статическим полем, закутан в него, как в пуховое одеяло. Это поле наводится и поддерживается при помощи множества небольших антенн. Стоит выйти из строя хотя бы одной из них, и настройка поля искажается. Пыль при этом еще не страшна, но если навстречу попадет даже небольшой метеор, даже крохотный камешек, то он сумеет, чего доброго, прорваться к обшивке и даже повредить ее.

Конечно, заторопился тут Круг-биограф, это необязательно. Во-первых, вещество во Вселенной сосредоточено, как

всем известно, главным образом в звездах, а не в пылинках и метеорах. Так что надо быть уж очень невезучим, чтобы встретиться с чем-то подобным. А во-вторых, если этот метеорчик даже доберется до корабля, то может что-то произойти, а может и ничего не произойти. Последнее даже вероятнее: не такая уж хрупкая вещь «Ньютон».

Биограф хитрил, явно хитрил. Он был страшный лентяй, этот биограф. И в тот момент вахтенным электриком был, по сути дела, он. Дело происходило тогда, когда по корабельному распорядку была ночь. Все, кроме вахтенных, спокойно спали, а члены экипажа спали особенно крепко: за три часа до этого перезарядка реактора была завершена, аврал кончился, и все смертельно устали. Была ночь, и аналитик-Круг тоже задремал: аналитики ночью спят. Бодрствовал другой Круг – влюбленный. Но ему не было дела ни до каких вахт на свете, он сидел и, как полагается в этот час суток, в мечтах беседовал с той девушкой, которая занималась электрохимией на Эвридике. Но до этого-то она была на Земле, там они и встретились и встречались еще неоднократно, а когда ей пришла пора лететь на три года на Эвридику, они расстались с трудом, и было сказано много слов и так далее. Три года истекали, и было известно, что девушка эта – ее звали Инна, очень хорошее имя – полетит назад именно на «Ньютоне». Круг-влюбленный развил в этой связи немалую активность и, кроме прочего, договорился с некоторыми коллегами и теперь отстаивал вахты то за одного, то за другого

из них, имея в виду, что на обратном пути они ему отплатят тем же. Аналитик с этим ничего не мог поделать, в споре с влюбленным он всегда проигрывал, но на вахте он положил за правило дремать.

И вот получилось, что на вахте был именно Круг-лентяй, он же биограф. Да и он смотрел вполглаза, потому что то и дело помогал влюбленному вспомнить, как все тогда было, а то и пытался представить, как все будет. И по этим причинам он в первую очередь понадеялся, что сигнал зажегся случайно, и сейчас погаснет. Но сигнал не гас. Тогда биограф стал размышлять так, как вот только что: не может быть, чтобы так не повезло, и они напоролись на метеорит за те несколько часов, которые им осталось провести в этом пространстве до разгона и перехода в надпространство. На размышления ушло некоторое время, и только тогда аналитик проснулся.

Проснувшись, он сразу напомним, что Правила звездной навигации не оставляют места никаким размышлениям. В них прямо сказано, что в случае нарушения настройки защитного поля должны быть немедленно приняты меры по ее восстановлению. До тех пор, пока неисправность не будет устранена, всякое увеличение скорости, а тем более разгон для Н-перехода, запрещается. Так что надо было исправлять, да побыстрее. Потому что никакая задержка немыслима; и тут он напомним нечто, о чем все остальные Круги, находясь в расслабленных чувствах, совершенно забыли, а теперь схватили себя за волосы.

Дело в том, что незадолго до вылета «Ньютона» были получены с Эвридики сообщения об участвовавших случаях странных заболеваний. Возникла опасность эпидемии. Болезнь была на Земле неизвестна, и в этом нет ничего удивительного: у каждой планеты свой характер и свои болезни. Поэтому на корабль погрузили немало всяческих лекарств, части пассажиров пришлось остаться, а их каюты заняли врачи. Круг об этом знал; аналитик знал и то, что Болезнь – ее пока так и называли «Болезнь», она даже приличного имени еще не получила, – угрожает Инне в такой же степени, как и всем другим. Но остальные Круги в это просто не верили, и сейчас, когда аналитик спал, ухитрились вовсе забыть. Он напомнил, и оказалось, что действительно рассуждать не о чем.

Но какое-то время было уже потеряно. Потому что вахтенный пилот позвонил из центрального поста и спросил: «Ну, как вы там, исправляете?» Растерянный и смущенный Круг-лентяй проговорил только: «Исправляю». «Давайте побыстрее, – сказал пилот, – до разгона осталось два часа, забыли?» «Нет, что вы», – ответил Круг, положил трубку и сообразил, что и впрямь забыл, ночь эта была сокращена на три часа, чтобы поскорее разогнаться и уйти, другие-то все время помнили, что на Эвридике Болезнь.

«Исправляю», – сказал он, а на самом деле еще не начал. Но теперь он выскочил из своей каморки и бегом направился к отсеку, в котором хранились скваммеры. Для этого следо-

вало миновать два коридора, и когда он прошел первый, то, по всем правилам, ему надо было свернуть налево, добраться до центрального поста и испросить у вахтенного пилота разрешение на выход. Так полагалось. Но он этого не сделал. Прежде всего, наверное, потому, что выход был пустячный: до антенны и обратно. А во-вторых, вахту в тот момент правил третий пилот, молодой, прямо зеленый, но очень заносчивый. Круг успел с ним уже схватиться, отстаивая честь электриков. Третий пилот считал, что электрики – вообще не космонавты: корабль они не ведут, в навигации не разбираются и даже в пространстве, по сути дела, не бывают. И вот сейчас идти к нему и докладывать, после того, как Круг уже сказал, что исправляет, оказалось невозможным: врать ни один из Кругов как следует не умел, во всяком случае, глядя в глаза – нет. А пилот, кстати, в антеннах и защитном поле не разбирался, раз он вообразил, что исправить антенну можно, находясь в дежурке. Вот пусть он так и думает, а Круг быстренько выйдет, исправит и вернется, а потом еще расскажет ребятам о завидной эрудиции третьего пилота.

Аналитик понимал, что это не очень хорошо и, во всяком случае, неправильно. Но он сейчас был занят в основном мыслями об антенне, а не о формальностях.

Круг подошел к камере. В обычное время никому не удалось бы попасть туда, где хранились скваммеры, и уж, разумеется, не удалось бы открыть ни один из люков, ведущих за борт. Но Круг знал, что ему не о чем беспокоиться, по-

тому что он выходил по аварийной причине. А это значило, что те самые автоматы, которые сообщили о неисправности антенны, уже послали сигнал киберинженеру, и оттуда было дано разрешение устройствам, блокирующим дверь камеры и выходные люки.

Теперь можно было надеть скваммер и выйти через малый люк, только через малый, потому что он был ближе всего к месту аварии, и только он один и был разблокирован: ничего лишнего киберинженер не позволял ни себе, ни другим, так как был всего лишь машиной.

Круг вошел в камеру, где помещались скваммеры, устройства для работы в пустоте – при монтаже искусственных спутников и звездолетов и при их ремонте. Полное название этих костюмов было «Скафандр для вакуума, антимагнитный, металлопластовый, с реактивным приводом». Вообще-то они были похожи не на костюмы, эти скваммеры, а скорее на здоровенное яйцо какой-то космической птицы – а может быть, Черных Журавлей, только те яиц не клали, – на яйцо, снабженное руками и ногами. Впрочем, бывают люди, выглядящие так и без скваммеров.

Он открыл дверцу на спине скваммера, через которую следовало влезть вовнутрь и потом закрыть ее за собой. Потом...

Тут аналитик прервал неторопливый рассказ Круга-биографа. Он поинтересовался, сколько осталось времени. Вре-

мении оставалось мало. Надо же было что-то делать, в конце концов! Нельзя же так погибать?

– А что делать? – спросил биограф. – Не знаешь? Ну и помалкивай, и не мешай.

– Но надо хоть думать!

– Вот и думай. Все равно нам конец. А я болтаю, и мне не так страшно от того, что он приближается. Думай, не думай – ничего не придумаешь.

Аналитик только зубами скрипнул.

...Потом Круг переложил в карман на боку скваммера несколько захваченных из каморки инструментов, которые могли пригодиться при ремонте, и отметил, что в запасе у него еще почти два часа. Поэтому он спокойно проделал все, что полагалось: закрепил на руках и ногах широкие манжеты, от которых тянулись провода к сервоустройствам, воспринимавшим биотоки и передвигавшим конечности скваммера, так как человеку самому, без помощи механизмов, и думать было нечего о том, чтобы сделать в этих доспехах хоть одно движение.

Затем он влез в скваммер и захлопнул за собой дверцу. Скваммер понял его и зашагал, а Круг стал думать о том, что же могло стрястись с антенной. Потом он вошел в лифт и в два счета оказался наверху, у люка. Ухватившись за поручень он подождал, пока из выходной камеры выкачали воздух. Затем люк открылся, Круг подошел к черному отверстию, которое вело в пустоту...

Тут аналитик опять вмешался в разговор, потому что чувствовал заранее: сейчас биограф обязательно упустит что-нибудь из нужных подробностей. До сих пор ведь он так ничего и не сказал о гравитации. На корабле, разумеется, была искусственная гравитация, потому что находиться долгое время в состоянии невесомости вовсе не столь полезно. Но люди, проектировавшие корабль, понимали, что если действие гравигена будет распространяться за пределы обшивки, то корабль станет захватывать из пространства все вещество, какое подвернется на пути.

Так что – поскольку удалось локализовать поле искусственной гравитации и ограничить его только внутренностью корабля – за бортом царила уже самая настоящая невесомость.

– Ну правильно, – согласился биограф, – это существенно. Но так мы никогда не доберемся до сути дела.

Круг вылез. Стоя на оболочке, он медленно выпрямился и с удовольствием ощутил, как крепко держат его магнитные подковы. Они намертво пристали к металлу обшивки и держали все время, пока он нажимал пятками на их замыкатели внутри башмаков скваммера. Но стоило приподнять пятку, и подкова этого башмака выключалась. Иначе ходить было бы просто невозможно. Люк медленно затворился, и стало совсем темно. Только зеленый глазок сиял во мгле, обозначая, где находится вход и куда надо будет возвращаться, ко-

гда закончишь работу. Круг включил нашлемный фонарь и зашагал в том направлении, где находилась восьмая – винтоватая – антенна.

Он двигался вперед, примерно до половины туловища погруженный в облежавшее корабль одеяло защитного поля – от него в ногах было такое ощущение, словно по ним бежали мурашки, а нижняя часть скваммера голубовато светилась. Уровень поля по направлению к неисправной антенне все понижался – словно бы Круг выходил на берег неглубокого, теплого ручья, каких немало на Земле...

– Помнишь, мы с Инной сидели около такого ручейка, и она сказала...

Аналитик усмехнулся: влюбленный заговорил!

– Да ладно, ты! – отмахнулся биограф. – Нашел время – об этом. Не мешай.

Наконец Круг нашел антенну и осмотрел ее. Результаты осмотра его, как говорится, приятно удивили. Он рассчитывал, самое малое, на получасовой ремонт, оказалось же, что дела на минуту. Но между всеми возможностями, которые он мысленно перебрал заранее, такая не фигурировала, потому что предусмотреть ее было невозможно.

Всем давно известно, что микрометеориты, даже самые крупные, не в состоянии пробить защитное поле корабля, поскольку второе поле выброшено далеко вперед, и наводит

на все, что попадаетея по пути, заряд того же знака, вследствие чего и возникает отталкивание. А тут комочек вещества, объемом на глаз в полтора кубических сантиметра, достиг поверхности корабля и ткнулся в нее так неудачно, что застрял между пластинами излучающей антенны и замкнул их. Очевидно, метеоритик был металлическим.

Это было непонятно и неправдоподобно. Преодолеть поле этот метеорит, при его ничтожной массе, не мог. Он мог пробить лишь расстроившееся поле, но оно расстроилось лишь вследствие того, что метеор предварительно преодолел его. Было над чем подумать. Но, разумеется, попозже, не сейчас.

А пока Круг достал из инструментального кармана щуп и попробовал действовать им, но безуспешно, очевидно, железка засела крепко. Электромагнитный экстрактор тоже не дал результата. Не в шутку уже рассердившись на неподатливого нарушителя, Круг достал из кармана длинные плоские клещи, просунул их между пластинами, крепко наложил, расставил пошире ноги и, передав скваммеру всю свою злость, рванул.

Это и было самым последним из всех начал... Метеорит выскочил, но и клещи выскочили из рук, будто какой-то силач хватил их и швырнул в пространство. Поскольку никакого силача рядом не оказалось, винить в случившемся следовало только собственную неосторожность. Впрочем, разбираться было некогда: в мгновение, когда клещи с зажатым в них метеоритом промелькнули мимо шлема, Круг рванул-

ся и, привстав на цыпочки, успел-таки их ухватить.

Масса клещей стала странно велика, и не таким легким делом оказалось, поймав инструмент, водворить его на место. Кругу даже показалось было, что, схватив их, он потерял почву под ногами. В следующий миг он сообразил, что дело обстояло куда хуже, потому что не он одолел клещи, а они его, и теперь корабль неторопливо, делая метра так два в секунду, удалялся, уходил в пространство, а Круг и клещи с метеоритом тем временем кувыркались вокруг общего центра тяжести – такими тяжелыми оказались клещи с их добычей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.